

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-100-116

УДК 130.121

ЧЕЛОВЕК СНОВИДЯЩИЙ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ БЕЗУМИЯ МИШЕЛЯ ФУКО

Цветкова Ольга Алексеевна,

соискатель, сектор истории антропологических учений,

Институт философии Российской академии наук,

Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID: 0000-0003-4683-3705

tsvetkovaolgaal@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется развитие идей Людвиг Бинсвангера в раннем творчестве Мишеля Фуко. Трансформация базовых концепций Dasein-анализа у Фуко приводит его к представлению о человеке как о сновидящем существе и о сновидении как способе понимания онтологических оснований бытия человека. В статье раскрывается идея Фуко о преобладании сновидческой деятельности над осознанной, рациональной и разумной активностью человека. Анализируется представление Фуко о сущности безумия, представленное в его ранних феноменологических работах. Французский философ отмечает недостаточность толкования значения образов сновидения, как это принято в психоанализе, а также необходимость рассматривать сновидение как чистую потенциальность бытия, конструирующуюся в нормальные или патологические миры. Рассматривается влияние работ Л. Бинсвангера и З. Фрейда на идеи Фуко. Фрейд одним из первых в истории западноевропейской науки открыл диалог с безумием, обратив внимание на то, что сновидения имеют смысл и отражают неосознаваемую часть психической жизни человека. Вслед за ним швейцарский психиатр Людвиг Бинсвангер для понимания патологического мира душевнобольного предложил метод Dasein-анализа, основанный на идеях онтологии М. Хайдеггера, феноменологии Э. Гуссерля и психоанализа З. Фрейда. С этого момента безумие становится предметом исследования экзистенциальной психологии, феноменологической психиатрии и философской антропологии. В современной философии безумие зачастую рассматривается как способность, отличающая человека от животного, проблема безумия сопоставляется с проблемой реальности. В статье отмечается недостаточность позитивистского психиатрического подхода для понимания безумия. Отмечается значимость исследования проблемы безумия для более целостного понимания феномена человека, социокультурных процессов, где за-

частую становится сложно провести демаркационную линию между нормой и патологией. В статье показано, как развитие М. Фуко идеи Л. Бинсвангера о сновидении находят продолжение в работах современных российских философов, исследующих феномен безумия.

Ключевые слова: Фуко, антропология, феноменология, Бинсвангер, Dasein-анализ, миропроjekt, сновидение, безумие, сознание.

Библиографическое описание для цитирования:

Цветкова О.А. Человек сновидящий в феноменологии безумия Мишеля Фуко // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 1. – С. 100–116. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-100-116.

Введение

Как понять безумие? Мишель Фуко в работах, относящихся к феноменологическому периоду, предполагает, что безумие можно понять посредством сновидения. Но его подход значительно отличается от психоаналитической теории сновидения Зигмунда Фрейда. Он развивает идеи Dasein-анализа швейцарского психиатра и философа Людвига Бинсвангера, отказываясь от натурализма и считая, что безумие не только можно понять, но что для излечения психической патологии это совершенно необходимо. Постичь безумие возможно через прояснение миропроекта человека. В сновидении миропроjekt проявляется особенно отчетливо, а сновидческая деятельность не прекращается, даже когда человек бодрствует.

Современная философская антропология проявляет особый интерес к искажениям человеческой природы, к аномалиям, к оборотной стороне позитивных констатаций о человеке, характерных для классической философии. Существенный поворот в рассмотрении проблемы безумия произошел в XX веке, когда разум постепенно стал категорией непостоянной и не имеющей четких границ, а человек перестал рассматриваться как существо рациональное. Современная философская антропология, подвергшись общей тенденции «психиатризации» гуманитарного знания, смещает акценты в область исследования безумия как выхода за пределы разума. Невротические и патогенные черты человека позволяют с большей ясностью прояснить феномен человеческого. Постепенно происходит уход от психиатрического понимания безумия к его рассмотрению как человеческого экзистенциала.

В философской антропологии XX века безумие стало объектом исследования З. Фрейда, М. Фуко, К. Ясперса и др. Оно не изолируется более как маргиналия, а изучается как феномен исключительно человеческого бытия. Через исследование опыта безумия открывается доступ к расширенному рассмотрению понятий времени, intersубъективных отношений, реальности.

Dasein-анализ Л. Бинсвангера способствовал радикальному повороту в осмыслении опыта безумия и дал импульс развитию философской антропологии, феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа XX и XXI веков.

Проблема безумия поднималась такими философами XX века, как М. Хайдеггер, З. Фрейд, К. Ясперс, Р. Лэйнг, М. Фуко, Ж. Делёз, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр и др. Помимо феноменологического подхода, безумие рассматривалось в рамках социальной теории как феномен социального развития и эпистемологической – как феномен, трансформирующий в культуре в историческом контексте.

Безумие как миропроjekt

Метод Dasein-анализа Людвиг Бинсвангера опирается на онтологию Мартина Хайдеггера, его подход к изучению безумия лишен натурализма, исходит из онтологических оснований человека и его бытия-в-мире. В этом его основное отличие от психоанализа Зигмунда Фрейда. И хотя в основе Dasein-анализа лежит идея о бессознательном и психоаналитическая модель интерпретации, безумие понимается как способ бытия в мире, рассматривается шире, чем набор инстинктивных, физиологических и психологических факторов. Безумие – нечто предшествующее им.

Л. Бинсвангер, вслед за С. Кьеркегором, определяет безумие как переход от свободы к несвободе, как сужение мира человека, в котором осуществляется его экзистенция. Безумие человека проявляется в искажении способов коммуникации с людьми, в вычурном поведении, необычном для окружающих. Душевнобольной живет в мире, отличном от мира других. Но в него можно заглянуть, узнать его устройство, понять душевнобольного и смысл его миропроекта.

Миропроjekt – картина переживания мира человеком, складывающаяся из ориентиров его внутренней и внешней жизни. В норме миропроjekt динамичен, но динамичность и текучесть бытия может быть нарушена – тогда человек становится заложником миропроекта, просвет бытия сужается, исчезает спонтанность и свобода, наступает безумие.

Феноменологический подход Бинсвангера к работе с душевнобольными пациентами оказал значительное влияние на развитие антипсихиатрии, экзистенциального анализа и логотерапии. Швейцарский философ пришел к выводу, что излечение от безумия невозможно без понимания мира пациента. Он предложил отказаться от интерпретации идей пациента, исходя из психологических теорий, как это делал З. Фрейд, и исследовать, в каком мире пребывает пациент, каким он ему представляется. Только через это понимание симптомы помешательства приобретут смысл.

Dasein-анализ во Франции

К началу 1950-х годов, когда М. Фуко преподавал в университете Лилля, работы Л. Бинсвангера были уже хорошо известны во Франции, на них ссылались Филип Пинель, Эмиль Крепелин и Зигмунд Фрейд. Сам Людвиг Бинсвангер уже был признан в психиатрических кругах: на первом мировой психиатрическом конгрессе его метод Dasein-анализа произвел яркое впечатление [19, с. 191] (здесь и далее пер. авт.). В 1955 году в журнале «*Traite de psychiatrie*» экзистенциальный анализ был назван одним из наиболее значимых и многообещающих методов в современной психиатрии.

Во французскую философию идеи Л. Бинсвангера проникли через работы М. Мерло-Понти и Ж.-П. Сартра, которые ссылались на него уже с 1940 года, но в большей степени через психоаналитическое издание «*L'Evolution psychiatrique*», созданное в том числе при содействии Эжена Минковского. Благодаря этому Ж. Лакан познакомился с работами Л. Бинсвангера уже с начала 30-х годов XX века, и в последующее десятилетие он был связующим звеном между швейцарской психиатрией и французской философией.

Сам Бинсвангер ценил открытость французов к феноменологии, часто цитировал М. Мерло-Понти, обращался к идеям Ж.-П. Сартра, в том числе в докладе, в котором подчеркивал их отличие от Dasein-анализа, сделанном в Сорбонне.

Знакомство М. Фуко с Dasein-анализом Л. Бинсвангера

В начале 1950-х годов М. Фуко интересовала антропологическая проблема взаимоотношений между человеком и болезнью. Исследования М. Фуко начинаются с немецкой философии XVIII века и подхода Канта к проблеме основания гуманитарных наук, переходят к медицинской антропологии, к антропологиям XIX и XX веков Гегеля, Фейербаха, Дильтея, Ницше, Ясперса и к анализу разнообразных антропологических проектов, связанных с феноменологией. М. Фуко обращается к Dasein-анализу, поскольку он представляет собой антропологию, использующую методологические элементы феноменологического подхода в исследовании патологического опыта.

Феноменологический интерес М. Фуко к проблеме безумия связан с работой Л. Бинсвангера «Сон и существование» [20]. Как отмечает Е. Бассо, к моменту написания предисловия к работе «Сон и существование» М. Фуко уже был знаком со всеми доступными работами Бинсвангера, а также с работами германоязычных психологов, психиатров и антропологов касательно феноменологической психопатологии [19]. Этот период завершился его работой «Психическая болезнь и личность» [11]. Одна-

ко М. Фуко не опубликовал сборник статей, посвященных Л. Бинсвангеру, а первой своей работой предпочитал считать «Историю безумия в классическую эпоху» [12].

Интерес Фуко к идеям Бинсвангера был обусловлен в первую очередь феноменологическим подходом к безумию. В отличие от распространенного натуралистического подхода, безумие рассматривается как «проект», а не как болезнь. В предисловии к «Сну и существованию» Фуко представляет антропологический проект, который поддерживает Dasein-анализ, и противопоставляет его всем формам психологического позитивизма [19, с. 199].

Вслед за М. Мерло-Понти М. Фуко рассматривает ограничения медицинского подхода к психическим заболеваниям. Для понимания безумия необходима переориентация психологии и психиатрии на онтологические основания, антропологически ориентированный ракурс исследования этого феномена.

В своих ранних работах, относящихся к феноменологическому периоду, М. Фуко рассматривает психическую болезнь как «одну из форм опыта» [3, с. 25], следуя за Л. Бинсвангером, который связывает психическое заболевание с модусом бытия-в-мире, состоящим из экзистенциальных априори.

Интерес М. Фуко к проекту Л. Бинсвангера определяется в теоретическом контексте философской и эпистемологической критики психологии. В основе подхода М. Фуко лежит идея Э. Минковского о том, что безумие следует рассматривать как глобальный опыт, как непреодолимое человеческое явление, не зависящее от какого-либо научного присвоения и какой-либо медицинской классификации. Введение к тексту «Сон и существование» написано в контексте обширного философского размышления об антропологической проблеме психопатологии. По утверждению Е. Бассо, изучение теоретического проекта Л. Бинсвангера составляет один из возможных результатов этого размышления, а не подтверждение предвзятости в пользу «экзистенциального анализа» в психопатологии. [16, с. 37]

В глазах М. Фуко феноменологическая антропология Л. Бинсвангера не только выходит за пределы гносеологии Э. Гуссерля, но и за границы феноменологии М. Хайдеггера, преодолевая границу, отделяющую ее от позитивного знания, такого как психология, биология и особенно антропология. Однако критика феноменологии М. Фуко отражена уже в «феноменологическом» эссе 1954 года, где в рамках психиатрического проекта Л. Бинсвангера М. Фуко оспаривает как чистую эйдетику гуссерлианского сознания, так и «эзотеризм» Dasein-анализа [17, с. 31].

Работа над переводом «Сна и существования» Л. Бинсвангера началась в конце 1953 года и завершилась в феврале 1954 года, а 27 апреля 1954 года

М. Фуко отправил его Бинсвангеру. В письме, сопровождающему текст, он пишет: «...в настоящее время есть некоторое беспокойство касательно двух моментов: продемонстрировать важное значение сна в экзистенциальном анализе и показать, как эта концепция сна может привести что-то совершенно новое в анализ воображения... стоило бы это сделать в расширенном исследовании об антропологии и онтологии» [19, с. 195]. Ответ Бинсвангера Фуко от 6 мая 1954 года показывает, что он не только с интересом прочитал «Введение», но и поделился им с Р. Куном и Вильгельмом Силаси, бывшими коллегами Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Несколько дней спустя, 10 мая 1954 года, он снова написал, говоря, что М. Фуко проделал «отличную работу», что было для него «большой научной честью», особенно высоко оценивая его работу по «движению воображения» и расширению его собственной работы над сновидением, подобно тому как он расширял работы З. Фрейда [18, с. 11].

Проект мира и проект себя

М. Фуко отмечает значение миропрокта в основе бытия, определяя его как «совокупность импульса к бытию; <...> исходное отношение к самому себе, к сущему, миру и другим» [19, с. 138].

В статьях о Л. Бинсвангере М. Фуко пишет о важности тенденции Dasein-анализа рассматривать человека как единство. Л. Бинсвангер отрицает в своем анализе всё, что может фрагментировать человеческую реальность, и отвергает распространенное в психологии противопоставление субъекта и объекта, человека и его мира, меня и не-меня. Для швейцарского философа единство лежит в основе всех измерений присутствия человека в мире.

Тема целостности и единства ложится в основу антропологии Л. Бинсвангера. Человека не следует рассматривать как единое целое после ряда предварительных синтезов: он не иерархия структур, вписывающихся друг в друга, но радикальное единство всех эмпирических форм его существования; единство человека нужно искать и находить на уровне его существования, то есть его бытия-в-мире.

Человеческое существование включает в себя бесчисленные возможности бытия, и суть человека заключается именно в этой свободе, радикальной. М. Фуко считает, что для понимания психопатологии важно, что эта свобода подразумевает, прежде всего, что каждая возможность существования включает в себя, помимо проекта мира, *проект самого себя*.

Животный организм дан сам себе в неповторимости своего созидательного замысла, человеческий же субъект всегда должен отдавать себя самому себе в бесконечности своих возможностей бытия. Более того, именно эта свобода открывает человека истине, что делает возможным для него

открытость бытию, посредством которой, согласно М. Хайдеггеру, определяется доступ к истине. В то время как животное как организм, заключенный в свои структуры, никогда не составляет ничего, кроме мира, по отношению к его функциональным категориям, человек как проявление бытия может идти к миру, раскрытому в его истине и в мире.

Цель экзистенциальной психопатологии, по мнению М. Фуко, состоит как раз в том, чтобы освободить понимание человека от ограничений его органическими субстанциями, придать человечеству в целом значение, радикально отличное от того, которое на уровне натуралистической рефлексии придают рефлексам, поведению, воспринимать его как единство, из которого возможна открытая свобода в отношении истины. Это определенно выходит за рамки натуралистического горизонта.

Л. Бинсвангер впервые после классической психиатрии пришел к тому, чтобы рассматривать психопатологию через перспективу свободы и истины. Патологическая вселенная пациента рассматривается с точки зрения форм его свободы и того, как его радикальная свобода проецируется в ту или иную форму существования; и мир, которому открывается существующий субъект, устанавливается по отношению к миру объективной полноты, которому открывается межчеловеческое сообщество субъектов. За этими рассуждениями Бинсвангера Фуко признает радикальное изменение стандартов понимания психических заболеваний.

Сон как проявление миропрокта

М. Фуко считает, что именно во сне проявляется чистая потенциальность проектирования собственного мира. Во сне наиболее полно открываются бесконечные возможности бытия. Сон, как и любое воображаемое переживание, является антропологическим показателем трансцендентности; «...и в этой трансцендентности он открывает мир человеку, превращаясь в мир и давая себе виды света, огня, воды и тьмы» [20, с. 49] (здесь и далее пер. авт.).

М. Фуко говорит о человеческом «факте» не как об объективном срезе натуралистической вселенной, а как о реальном содержании существования, которое живет само и переживает себя, которое осознает себя или теряет себя в мире, который одновременно является полнотой своего собственного проекта и «элементом» данности собственного бытия. М. Фуко считает, что нет ничего более ошибочного, чем увидеть в анализе Л. Бинсвангера «приложение» концепций и методов экзистенциальной философии к «данным» клинического опыта. Для него важно выявить, обратившись к конкретному человеку, место, где формулируются формы и условия существования.

Мир сновидений – это отдельный мир не в смысле субъективного опыта, противоречащего нормам объективности, а в том смысле, что он устроен в изначальном образе мира, который «...принадлежит мне, и в то же время показывает мое одиночество» [20, с. 51].

Мир снов – это не внутренний сад фантазий. Если сновидец встречает там свой собственный мир, то это потому, что он может признать там факт своей судьбы: он находит там исходное движение своего существования и свою свободу в ее достижении или отчуждении. Пока сознание спит, просыпается существование. Сон сам по себе направлен на жизнь, которую он сочиняет, которую он разъясняет, которой способствует.

М. Фуко считает, что именно благодаря трудам Л. Бинсвангера можно лучше всего понять, чем может быть предмет сновидения. Этот предмет характеризуется не как одно из возможных значений одного из персонажей сновидения, а как основа всех его возможных значений. В этом смысле субъект сновидения не является более поздней версией предыдущей формы или архаической стадией личности. Он проявляется как возникновение и целостность самого существования.

«Сон – это существование, высекающее себя в бесплодном пространстве, хаотично разрушающееся, шумно взрывающееся, заплетаясь, едва дышащее животное, в сети смерти, это мир на заре своего первого взрыва, когда мир всё еще существует и еще не является вселенной объективности» [20, с. 57].

Сновидение – это не еще один способ познания другого мира, это для сновидящего субъекта радикальный способ познания своего собственного мира. Сны важны для определения экзистенциального смысла, поскольку они прослеживают в своих фундаментальных координатах траекторию самого существования.

Отличие концепции М. Фуко от теории сновидений З. Фрейда

Согласно М. Фуко, антропологический анализ сновидения Л. Бинсвангера раскрывает больше уровней значимости, чем предполагает фрейдистский метод. Психоанализ исследует только одно измерение вселенной сновидений – его символический словарь, который от начала до конца преобразует определяющее прошлое в настоящее, которое его символизирует.

До З. Фрейда сновидение воспринималось как бессмыслица сознания. Основатель психоанализа перевернул это предположение, сделав сон смыслом бессознательного. Однако в психоанализе сновидений Фуко видит недостаточную проработку понятия символа. Он не соглашается с установленным психоанализом тождеством между значением и образом в понятии символа.

3. Фрейд воспринимает символ просто как точку касания, где на мгновение прозрачное значение соединяется с материалом изображения, воспринимаемого как трансформированный и трансформируемый остаток восприятия. Символ – это поверхность контакта, та пленка, которая соединяет внутренний мир и внешний мир: воплощение бессознательного импульса и перцептивного сознания, фактор неявного языка и фактор чувственного образа.

Изображение – это точка зрения на воображение сновидений, способ пробужденного сознания восстановить черты сновидения. Другими словами, во время сна движение воображения направлено к первичному моменту существования, когда достигается первоначальное устройство мира. Бодрствующее сознание придает созданному миру линии воспринимаемого пространства в качестве координат и подталкивает его к квазиприсутствию образа. Подлинный поток воображения переворачивается, и вместо самого сновидения на его место ставятся образы.

3. Фрейд также свидетельствует об этом положении дел, поскольку он ясно чувствовал, что значение сновидения не следует искать на уровне содержания изображения. Он вернул сновидению психологическое измерение, но ему не удалось, как считает М. Фуко, понять его как особую форму опыта. 3. Фрейд не смог выйти за рамки твердо установленного постулата психологии XIX века: сон – это рапсодия образов. Но сновидение – нечто совершенно иное по той простой причине, что сон – это воображаемый опыт, и его нельзя исчерпать психологическим анализом.

Сон не имеет смысла только в той степени, в которой психологические мотивации и физиологические определения пересекаются и перекрестно индексируются тысячами способов; напротив, он богат в силу бедности его объективного содержания. «Между спящим умом и бодрствующим умом сновидящий ум наслаждается опытом, который ниоткуда заимствует свой свет и свой гений» [20, с. 43].

В предисловии к «Сну и существованию» Мишель Фуко указывает на неадекватность чисто психоаналитического или, наоборот, феноменологического подхода к сновидениям. В то время как психоанализ раскрывает значение сновидения, но не интересуется его способом передачи, феноменология Гуссерля, напротив, хорошо разъясняет означающую деятельность, специфичную для субъекта, но почти не затрагивает выразительные конструкции сна, в которые он вписан. Сновидения, согласно Фуко, требуют понимания за пределами любой работы по расшифровке (психоанализ) или структурированию (феноменология), в измерении «экзистенциального опыта». М. Фуко отмечает, что Л. Бинсвангер, придавая большое значение сновидению, определяет конкретный подход анализа фундаментальных форм существования: анализ сновидения не исчерпывается

на уровне герменевтики символов, но на основе внешней интерпретации, которая всё еще относится к порядку дешифровки, он сможет, не уходя в философию, прийти к пониманию основных структур. Это подчеркивает, насколько Daseinsanalyse не антиномичен психоанализу, а, напротив, является его углублением [21, с. 235–236].

С точки зрения М. Фуко, фрейдистская интерпретация упускает из виду отношение значения к образу, смешивая знаки и ключи, и, таким образом, является неспособной уловить значение в контексте того экспрессивного акта, который его основывает, и проявить присутствие смысла в воображаемом содержании. Именно здесь феноменология корректирует психоанализ, поскольку ей удастся заставить образы говорить, возрождая их экспрессивное содержание и их первоначальное значение. Этот фундаментальный момент связывания значений – это то, что Л. Бинсвангер попытался выявить в «Сне и существовании» [22, с. 294].

Если сновидческий опыт представляет собой опыт воображения, то это потому, что он раскрывает через свою сеть образов фундаментальную структуру человеческого существования. Поэтому необходимо начинать с экзистенциального анализа этой «подобной сновидению субъективности», которая проявляется в сновидениях и составляет мир значений в форме воображаемого мира. Именно в этой перспективе оригинальность феноменологической психиатрии Бинсвангера проявляется для М. Фуко на грани фундаментальной онтологии Хайдеггера: онтологическая радикализация феноменологии расширяет и завершает феноменологическую коррекцию психоанализа, двигаясь в направлении переопределения антропологии.

В частности, в подходе Л. Бинсвангера Фуко интересуется способ, которым он пытается идентифицировать, исходя из феноменологического описания единичных переживаний, определяемых как в их означающей функции, так и в их субъективной привязке, фундаментальные формы человеческого существования, то есть формы, позволяющие правильно понять его онтологическую структуру. Поэтому для Фуко важно воссоздать подход Бинсвангера к первоначальному содержанию, принципу «антропологии воображения». Он интересуется тем, как сновидческие значения проявляются для достижения понимания экзистенциальной структуры [22, с. 295].

Сон как безумие и безумие как сон

Единственную форму воображения можно найти в бреде, и она составляет физиологическую основу сновидения. Каждый акт воображения неявно указывает на сон. Сон – это не модальность воображения, сон – это первое условие его возможности. Воображение – это не столько поведение по отношению к другим, сколько квазиприсутствие «...на существо-

ном основании отсутствия» [20, с. 68]. Это намерение себя как движение свободы, которое делает себя миром и, наконец, закрепляется в этом мире как своей судьбе. Следовательно, через то, что оно представляет, сознание стремится к изначальному движению, которое проявляется в снах. Таким образом, сновидение не является исключительно мощным и ярким способом воображения. Напротив, воображение означает нацеливание на самого себя в момент сновидения. Именно через воображаемое раскрывается изначальный смысл реальности. Целью психотерапии должно быть освобождение воображаемого, заключенного в образе.

Л. Бинсвангер, вслед за Гераклитом, отмечает, что образы сновидения могут принадлежать только одному сновидцу. Сновидение – это собственный мир, в котором человек совершенно одинок. Пребывание в собственном мире, вне зависимости от того, спит человек или нет, также равнозначно видению сна. Во сне каждый находится в своем собственном мире, а бодрствующие разделяют между собой общий мир [1, с. 114].

В статье «Сон и существование» Бинсвангер определяет два модуса существования: бодрствование и сон. Сон – это не физиологическое состояние, а способ бытия, в котором человек «...погружается в чистую субъективность» [1, с. 205], лишенную объективности внешнего мира и общественных норм. Психическую болезнь можно рассматривать как состояние сна. Во сне «...личность отчуждена от мира и болезненно переносит это отчуждение» [7, с. 51].

Фуко сопоставляет безумие и сон, однако он определяет, что «безумие не исчерпывается сновидением в модальности бодрствования», безумие начинается тогда, когда безумец по своей воле замыкает себя в границах заблуждающегося сознания, «...безумие начинается там, где замутняется отношение человека к истине» [12, с. 248]. «Безумие находится как раз в точке пересечения грезы и заблуждения... но если заблуждение – не истина, если сновидение ничего не утверждает и ни о чем не судит, то безумие, со своей стороны, заполняет пустоту заблуждения образами, а фантазмы связует воедино утверждением всего ложного» [12, с. 249–250].

Для М. Фуко сновидение является специфической формой опыта, который «воплощает собой бытие человека в метафизическом измерении» [15, с. 54]. Французский философ отказывается от объективистско-психологического определения сновидения, введенного З. Фрейдом, он в большей степени и соотносит его с существованием, которое не может быть исчерпано психологическим содержанием [15, с. 54]. У психически больного внешняя объективная «...реальность предстает как маскарад, карикатура и метаморфоза, точнее, в модусе сновидения» [11, с. 148].

«Безумие... есть особое состояние нашей нервной системы, когда барьеры сна, или барьеры бодрствования, или двойной барьер, образуемый

сном и бодрствованием, оказываются разрушены или во всяком случае местами прорваны; вторжение механизмов сна в сферу бодрствования как раз и вызывает безумие, если процесс имеет, так сказать, эндогенный характер... Сон, таким образом, определяется как закон, общий для нормальной и патологической жизни; он – точка, исходя из которой понимание психиатра может предписать феноменам безумия свой закон» [13, с. 330].

Современный взгляд на взаимосвязь сна и безумия

Исследования взаимосвязи феноменов сна и безумия продолжается и в современной русской философской антропологии. Ф.И. Гиренок развивает тему сновидения как базового процесса конструирования реальности. Он постулирует, что человек – существо, грезящее наяву. Смыслы и цели человека – это его галлюцинации, существующие исключительно его собственным усилием воли [6, с. 47].

Ф.И. Гиренок рассматривает проблему сна и яви в контексте проблемы ума и безумия, но также отмечает значение сновидения в миропроектировании человека. «Если у тебя все в порядке, то ты умер. Тебя нет. А если ты не совпадаешь с собой, то ты видишь сны наяву» [5, с. 46]. Сновидение человека – его внутренний мир, если человек не имеет внутренних образов, то ему не с чем соотносить общую внешнюю реальность, он растворяется в обществе, лишаясь собственной индивидуальности, способности быть отдельной личностью, критически относящейся к внешней реальности и своей позитивности. «Проблема безумия – это проблема реальности и одновременно проблема поисков критериев, которые позволяют отличить реальное от нереального» [5, с. 43].

В.П. Руднев также отмечает, что психотик существует в такой реальности, где «всё возможно, как в сновидении» [10, с. 13]. Он утверждает, что сновидение более реально, чем реальность. Сновидение обладает смыслами, которых реальность лишена. «Реальность – лишь обратная сторона сновидения» [9, с. 173]. Всё, что человек переживает в реальности, иллюзорно: «...“реальность” ничего не стоит, а сновидения полны смысла» [9, с. 174].

В.П. Руднев предлагает развернуть представление о сне и реальности. Не сон является незначительным вымыслом в общем потоке реальной жизни, а наоборот: сознательная бодрствующая жизнь является плоским вкраплением в полную смысла сновидческую жизнь, лишённую ограничений сознания – времени, пространства, физических законов и прочих «принципов реальности». Сновидение невозможно истолковать, поскольку сознание способно трактовать только его означающие, чтобы понять истинный смысл сновидения, его необходимо пережить как особый экзистенциальный опыт.

Выводы

Для М. Фуко проблема безумия была центральной. В период интереса к феноменологии и Dasein-анализу он расширил идеи швейцарского психиатра Л. Бинсвангера, предложил оригинальный взгляд на роль сновидения в работе воображения и формировании безумия. Мишель Фуко предлагает не интерпретировать сон исходя из психологических концепций, а понимать его как основу и психической жизни, и бытия человека, открывающую собой весь потенциал миропроекта. Тема миропроекта является значимой в исследовании феномена безумия, поскольку только понимание миропроекта может придать безумию смысл и избавить его от отчужденности.

Душевнобольной живет в мире, отличающемся от других, с иными ориентирами внутренней и внешней жизни. Он одинок в своем безумии, так же как и во сне. Когда люди бодрствуют – они разделяют один мир внешней объективной реальности. Безумие подобно сновидению, в нем внешняя реальность выступает как метаморфоза. Понимание же миропроекта человека способно преодолеть отчужденность и наладить связь с реальностью и другими.

Сновидение позволяет понять внутренний мир человека, траекторию его существования, экзистенциальный смысл. Сновидение является условием любого воображения, и, как считает М. Фуко, именно через воображение проявляется изначальный смысл реальности,

Концепция сновидения М. Фуко позволяет перевернуть представление о человеке. Человек – это не сознательное существо, впадающее в беспамятство во время сна, а, наоборот, существо, всё время находящееся в состоянии сновидения, в которое иногда вкрапляется работа сознания.

Литература

1. *Бинсвангер Л.* Бытие-в-мире. – М.: Ювента, 1999. – 302 с.
2. *Бинсвангер Л.* Экзистенциальный анализ. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. – 272 с.
3. *Власова О.* Рождение фукианского метода: эпистемология/феноменология, психология, психиатрия // Логос. – 2019. – Т. 29, № 2. – С. 25–50.
4. *Власова О.* Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. – М.: Территория будущего, 2010. – 640 с.
5. *Гиренок Ф.И.* Фуко и Деррида: спор о природе безумия в философии Декарта // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. – 2020. – № 4. – С. 42–54.
6. *Гиренок Ф.И.* Введение в сингулярную антропологию: монография. – М.: Проспект, 2021. – 304 с.

7. Грамова Е.И. Концептуализация психической болезни в философии раннего М. Фуко // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 8 (1). – С. 48–51.
8. Гуревич П.С. Человек как предмет философской антропологии (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. – 2001. – № 3 (9). – С. 52–67.
9. Руднев В.П. «Я» и «Реальность». – М.: Гнозис, 2019. – 208 с.
10. Руднев В.П. Странные объекты: феноменология психотического мышления. – М.: Академический проект, 2014. – 159 с.
11. Фуко М. Психическая болезнь и личность. – СПб.: Гуманитарная академия, 2010. – 320 с.
12. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 576 с.
13. Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. – СПб.: Наука, 2007. – 450 с.
14. Фрейд З. Толкование сновидений. – М.: Академический проект, 2017. – 475 с.
15. Шаилова Е. Антропология и ее отрицание: парадоксы творчества М. Фуко // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. – 2015. – № 1. – С. 47–73.
16. Basso E. A propos d'un cours inedit de Michel Foucault sur l'analyse existentielle de Ludwig Binswanger (Lille 1953-54) // Revue de synthese. – 2016. – T. 137, 6 serie. – P. 35–59.
17. Basso E. Foucault entre psychanalyse et psychiatrie “Reprendre la folie au niveau de son langage” // Archives de Philosophie. – 2016. – N 79. – P. 27–54.
18. Elden S. Foucault as Translator of Binswanger and von Weizsacker // Theory, Culture and Society. – 2020. – Special Issue. – P. 1–26.
19. Foucault M. Binswanger et l'analyse existentielle. – Paris: Le Seuil, 2021. – 224 p.
20. Foucault M., Binswanger L. Dream and Existence. – Seattle: Review of Existential Psychology and Psychiatry, 1986. – 116 p.
21. Marceau J.C. Freud, Binswanger, Foucault: La psychanalyse a l'epreuve critique de la phenomenologie // Clinique mediterraneennes. – 2001. – N 64. – P. 227–241.
22. Sabot Ph. L'experience, le savoir et l'histoire dans les premiers ecrits de Michel Foucault // Archives de Philosophie. – 2006. – N 69. – P. 285–303.

Статья поступила в редакцию 11.08.2021.

Статья прошла рецензирование 09.09.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-100-116

DREAMING MAN IN THE PHENOMENOLOGY OF MADNESS BY MICHEL FOUCAULT

Tsvetkova, Olga,

*Doctoral candidate, Department of History of Anthropological Studies,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,*

12/1 Goncharnaja Street, Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4683-3705

tsvetkovaolgaal@gmail.com

Abstract

The article analyzes the development of the ideas of Ludwig Binswanger in the early works of Michel Foucault. The transformation of the basic concepts of Dasein-analysis by M. Foucault leads him to the idea of a human as a dreamer being, and a dream as a way of understanding the ontological foundations of human existence. The article reveals M. Foucault's idea of the predominance of dreaming activity over conscious, rational and reasonable human activity. The article analyzes M. Foucault's idea about the essence of madness, presented in his early phenomenological works. He notes the inadequacy of interpreting the meaning of dream images, as psychoanalysis does, it is necessary to consider a dream as a pure potentiality of being, which is constructed into normal or pathological worlds. The article considers the influence of the works of L. Binswanger and S. Freud on the ideas of M. Foucault. Z. Freud was one of the first to open a dialogue with madness. He drew attention to the fact that dreams have meaning and reflect an unconscious part of a person's mental life. Following him, the Swiss psychiatrist Ludwig Binswanger proposed the Dasein-analysis method for understanding the pathological world of the mentally ill, based on the ideas of M. Heidegger's ontology, E. Husserl's phenomenology and Z. Freud's psychoanalysis. From this moment, madness becomes the subject of research in existential psychology, phenomenological psychiatry and philosophical anthropology. In modern philosophy, madness is often viewed as a trait that distinguishes humans from animals, the problem of madness is compared with the problem of reality. The article notes the inadequacy of a positivist psychiatric approach for understanding madness. The article also highlights the importance of studying the problem of madness for a more holistic understanding of the human phenomenon, socio-cultural processes, where it often becomes difficult to draw a line of demarcation between norm and pathology. The article shows how L. Binswanger's ideas about dreams developed by M. Foucault are continued in the works of modern Russian philosophers who study the phenomenon of madness.

Keywords: Foucault, anthropology, phenomenology, Binswanger, Dasein-analysis, world-design, dream, madness, consciousness.

Bibliographic description for citation:

Tsvetkova O. Dreaming Man in the Phenomenology of Madness by Michel Foucault. *Idei i idealy* = *Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 1, pt. 1, pp. 100–116. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-100-116.

References

1. Binswanger L. *Bytie-v-mire* [Being-in-the-World]. Moscow, Yuventa Publ., 1999. 302 p. (In Russian).
2. Binswanger L. *Ekzistentsial'nyi analiz* [Existential analysis]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2017. 272 p. (In Russian).
3. Vlasova O. Rozhdenie fukianskogo metoda: epistemologiya/fenomenologiya, psikhologiya, psikiatriya [The birth of Foucault's method: epistemology/fenomenology, psychology/psychiatry]. *Logos*, 2019, vol. 29, no. 2, pp. 25–50. (In Russian).
4. Vlasova O. *Fenomenologicheskaya psikiatriya i ekzistentsial'nyi analiz: istoriya, mysliteli, problemy* [Phenomenological psychiatry and existential analysis]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2010. 640 p.
5. Girenok F.I. Fuko i Derrida: spor o prirode bezumiya v filosofii Dekarta [Foucault and Derrida: the argument about the nature of insanity in Descartes' philosophy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya* = *Moscow University Bulletin. Series 7, Philosophy*, 2020, no. 4. pp. 42–54.
6. Girenok F.I. *Vvedenie v singulyarnuyu antropologiyu* [Introduction to Singular Anthropology]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 304 p.
7. Gromova E.I. Kontseptualizatsiya psikhicheskoi bolezni v filosofii rannego M. Fuko [Conceptualization of mental illness in the philosophy of early M. Foucault]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *News of Higher Schools. Series: Humanities*, 2017, no. 8 (1), pp. 48–51.
8. Gurevich P.S. Chelovek kak predmet filosofskoi antropologii (metodologicheskie aspekty) [Man as a subject of philosophical anthropology (methodological aspects)]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* = *Personality. Culture. Society*, 2001, no. 3 (9), pp. 52–67.
9. Rudnev V.P. "Ya" i "Real'nost'" ["I" and "Reality"]. Moscow, Gnozis Publ., 2019. 208 p.
10. Rudnev V.P. *Strannye ob'ekty: fenomenologiya psikhoticheskogo myshleniya* [Strange Objects: The Phenomenology of Psychotic Thinking]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2014. 159 p.
11. Foucault M. *Psikhicheskaya bolezni' i lichnost'* [Mental illness and personality]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2010. 320 p. (In Russian).
12. Foucault M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [The history of madness in the classical age]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1997. 576 p. (In Russian).
13. Foucault M. *Psikhiatricheskaya vlast': kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 uchebnom godu* [Psychiatric power: A course of lectures given at the Collège de France in the 1973–1974 academic year]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 450 p. (In Russian).

14. Freud S. *Tolkovanie snovidenii* [Interpretation of dreams]. Moscow, Akademi-cheskii proekt Publ., 2017. 475 p. (In Russian).
15. Shashlova E. Antropologiya i ee otritsanie: paradoksy tvorchestva M. Fuko [Anthropology and its negation: paradoxes of M. Foucault's oeuvre] *Yuzhnyi polyus. Issledovaniya po istorii sovremennoi zapadnoi filosofii*, 2015, no. 1, pp. 47–73.
16. Basso E. A propos d'un cours inedit de Michel Foucault sur l'analyse existentielle de Ludwig Binswanger (Lille 1953-54). *Revue de synthese*, 2016, vol. 137, 6 série, pp. 35–59.
17. Basso E. Foucault entre psychanalyse et psychiatrie "Reprendre la folie au niveau de son langage". *Archives de Philosophie*, 2016, no. 79, pp. 27–54.
18. Elden S. Foucault as Translator of Binswanger and von Weizsacker. *Theory, Culture and Society*, 2020, Special Issue, pp. 1–26.
19. Foucault M. *Binswanger et l'analyse existentielle*. Paris, Le Seuil, 2021. 224 p.
20. Foucault M., Binswanger L. *Dream and Existence*. Seattle, Review of Existential Psychology and Psychiatry, 1986. 116 p.
21. Marceau J.C. Freud, Binswanger, Foucault: La psychanalyse a l'epreuve critique de la phenomenologie. *Clinique mediterraneennes*, 2001, no. 64, pp. 227–241.
22. Sabot Ph. L'experience, le savoir et l'histoire dans les premiers ecrits de Michel Foucault. *Archives de Philosophie*, 2006, no. 69, pp. 285–303.

The article was received on 11.08.2021.

The article was reviewed on 09.09.2021.